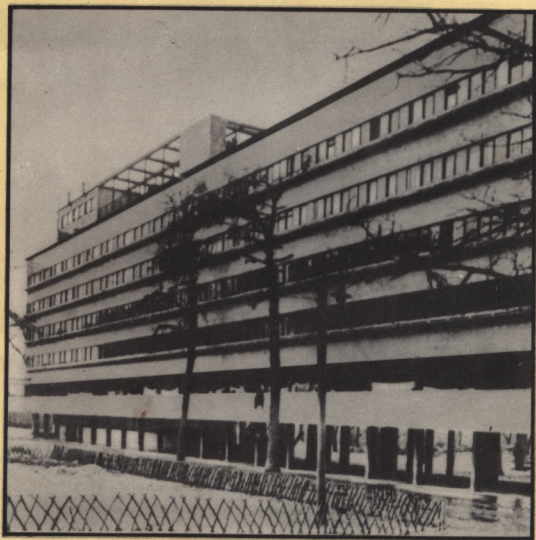
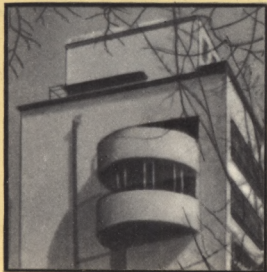
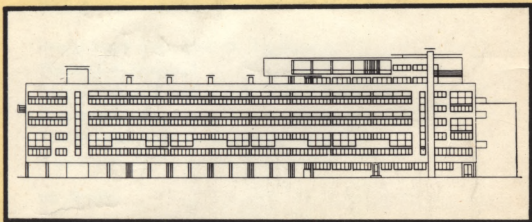

Е. Иванова
Р. Кацнельсон

Улица Чайковского, 25

Дом, которому посвящена эта книга, стоит в Москве на Садовом кольце, на улице Чайковского, 25 (корпус 1), в глубине большого участка. Дом этот замечателен тем, что он ознаменовал начало новой эпохи в советской архитектуре. Автор его — известный советский архитектор, теоретик и практик М. Я. Гинзбург — сумел отразить как во внешнем облике, так и в планировке здания новые, наиболее прогрессивные идеи своего времени в области архитектуры и строительства.

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

**Е. Иванова
Р. Кацнельсон**

Улица Чайковского, 25

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1986

ББК 85.101
И20

Рецензенты:

М. Г. БАРХИН — профессор, доктор архитектуры;
С. К. РОМАНЮК

Иванова Е. К., Кацнельсон Р. А.
И20 Улица Чайковского, 25: Путеводитель.— М.: Моск.
рабочий, 1986.— 47 с., ил.— (Биография московского
дома).

Рассказано об истории строительства и своеобразном облике дома на Новинском бульваре, который вошел в историю советского зодчества как один из интереснейших памятников архитектуры конца 1920-х годов. В книге содержится детальный рассказ об архитектурных особенностях этого здания, интерьере и о широких творческих замыслах его создателя М. Я. Гинзбурга, реализованных в этом сооружении. Приводятся сведения об архитектурном окружении примечательного здания.

И $\frac{1905040100-183}{M172(03)-86}$ 144—86

ББК 85.101
72

© Издательство «Московский рабочий», 1986 г.

ВВЕДЕНИЕ

Дом № 25 (корп. 1), которому посвящена книга, стоит на улице Чайковского в глубине большого участка среди деревьев. Это примечательное здание — одна из вех, что ознаменовали начало новой эпохи в советской архитектуре. Автор его, известный советский архитектор, теоретик и практик М. Я. Гинзбург, сумел отразить как во внешнем облике, так и в планировке здания не только идеи коренного переустройства быта, характерные для конца 1920-х — начала 1930-х годов, но и стремительное развитие научно-технического прогресса в области строительства в нашей стране.

Но прежде чем начать рассказ об этом доме, вошедшем во все учебники по истории советской архитектуры, небезынтересно оглянуться назад и восстановить в памяти картину улицы Чайковского в прошлом: ведь архитектурное сооружение всегда живет вместе с городом, в котором оно построено.

Большая Октябрьская социалистическая революция создала реальные предпосылки для кардинального решения одной из самых острых социальных проблем — жилищной. Тяжелое наследство получила молодая Советская Республика от царской России — большинство трудящихся проживало поистине в чудовищных условиях: в тесных, грязных каморках, в сырых подвалах, в полуразвалившихся лачугах. Многие вообще не имели крова над головой и ютились по ночлежкам.

Забота о жилище для прежде эксплуатируемого большинства трудящихся стала одной из важнейших проблем,

решение которых с первых дней своего существования поставила перед собой Советская власть. Уже в самых ранних государственных актах содержались решительные меры, направленные на улучшение жизни рабочих. Прежде всего речь шла об уплотнении квартир, принадлежащих имущим классам. Великий жилищный передел — событие для города ничуть не менее важное, чем земельный передел в деревне.

Перераспределение жилищного фонда было мерой ответственной, но не решавшей проблемы. Необходимо было развертывание нового жилищного строительства, развитие строительной техники, базы строительного производства. В условиях гражданской войны, в условиях разрухи и нехватки всего самого необходимого все это приходилось откладывать до лучших времен.

Однако можно и нужно было думать о будущем, стремиться ускорить то время, когда мечты станут реальностью. Революция необычайно расковала творческие силы страны. Как и другие представители художественной интеллигенции, архитекторы чрезвычайно активно откликнулись на революционные преобразования. Отмена частной собственности на землю и недвижимость создала предпосылки для развития отечественного градостроительства. Выдвинутый В. И. Лениным знаменитый план монументальной пропаганды нацеливал архитекторов, скульпторов, художников на совместное творчество, обращенное к самым широким народным массам.

Гражданская война и хозяйственная разруха не дали Советской Республике возможности сразу широко развернуть строительство жилья, в котором так остро нуждались трудящиеся. Но годы вынужденного строительного простоя, годы так называемого «бумажного проектирования», не оказались бесплодными для советской архитектуры. Напротив, это были годы необычайно смелого поиска — поиска новых форм, который шел рука об руку с экспериментами в области изобразительного искусства авангар-

дистских направлений, поиска новых видов человеческих поселений, новых социальных типов зданий, потребность в которых была выдвинута Октябрем. Среди них особое место принадлежит экспериментальным разработкам в сфере создания жилища нового типа.

Проектируя новые типы жилья, архитекторы мечтали о перестройке всей жизни. Именно в первые после Октябрьской революции годы были заложены основы того нового быта, многие стороны которого реализованы в наши дни.

После окончания гражданской войны, когда началось постепенное восстановление народного хозяйства, перед архитекторами встала задача найти технические возможности, которые позволили бы строить наиболее дешевое жилище. Было мало средств на возведение капитальных сооружений. Не хватало строительных материалов, только зарождалась новая строительная техника, но жизнь требовала немедленного разрешения жилищного вопроса. Густо населенные коммунальные квартиры, возникшие в результате переселения рабочих, были не только неудобны и не могли способствовать созданию нового быта, но зачастую превращались в «вороньи слободки», так красочно изображенные И. Ильфом и Е. Петровым в «Двенадцати стульях».

Над проблемой жилища, над проблемой организации нового быта работали лучшие архитектурные силы страны. Зодчие создавали многочисленные проекты жилища нового типа, предлагали порой утопические идеи, обсуждали предложения, подчас весьма далекие от реальности.

«Дом на Новинском бульваре» как бы завершил эпоху длительных поисков кардинальной перестройки в сфере социально-бытового уклада в молодой Советской Республике. Индивидуальные квартиры сочетаются здесь с рядом помещений, предназначенных для коллективного обслуживания их обитателей, а организация жизни в доме послужила прообразом современных домов нового быта.

Несмотря на неосуществленность многих замыслов, заложенных архитекторами в проект этого дома, в нем воплотились мечты о наступающей новой эре в быту. Может быть, именно поэтому многие идеи, заложенные в проект этого дома, так же, как и его архитектурный облик, вызывают большой интерес. Архитекторы разных городов нашей страны и многих зарубежных стран посещают его. Несмотря на многочисленные переделки, во многом искажившие первоначальный замысел авторов проекта, дом этот служит примером одного из наиболее смелых экспериментов в области строительной техники и композиционных поисков.

В этой книге мы постарались рассказать, о чем мечтали архитекторы начала 1920-х годов, какие проекты они создавали, каким представляли себе будущее советской архитектуры, и, наконец, описать дом, вошедший в золотой фонд советской архитектуры.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

В начале XV века к западу от территории, где находится современная улица Чайковского, был построен монастырь, впоследствии названный Новинским. В XVII веке вокруг монастыря образовалась Патриаршая слобода. С юга она доходила до Протоchnого переуллка, по которому протекал ручей Проток, а с севера — до Ходынского поля. Монастырь принадлежал главе московского духовенства — митрополиту. В 1764 году монастырь упразднили, а его имущество перешло в казну. Близ современной площади Восстания находился Конюшенный двор патриарха, по соседству жили конюхи, вследствие чего вся местность называлась Конюшками.

Восточная сторона современной улицы Чайковского захватывала часть бывшего села Кудрино, в котором жили «трубники» — печники и трубочисты. Есть, правда, и другая версия, по которой название происходит от слова «трубачи». Память об этом сохраняется в названии Трубниковского переуллка. Ранее эта местность была связана с «кречетниками», т. е. дрессировщиками кречетов — белых соколов для царской охоты. Некогда Трубниковский переулок назывался Кречетниковским.

В конце XVI века на месте нынешнего Садового кольца проходил земляной вал. Восточная и западная части современной улицы Чайковского были разделены земляным валом, по обе стороны которого постепенно сложилась жилая застройка. Однако почти все строения сгорели во время пожара 1812 года. В Москве было уничтожено огнем более двух третей всех домов. Сразу же после изгнания

неприятеля в разрушенный и опустошенный город нескончаемым потоком возвращались жители, ввозились строительные материалы, из сел и деревень стекались сотни мастеров-строителей. Застраивалась и Новинская часть, относящаяся к одному из четырех участков, на которые был разделен город.

К 1820 году земляной вал был уже сильно разрушен, и его срыли. На участке, о котором мы рассказываем, образовался большой пустырь, получивший название Подновинского. Он был знаменит тем, что здесь устраивали Подновинские (или Новинские) гулянья. Такие народные гулянья были широко распространены на Руси и обычно приурочивались к большим церковным праздникам. Часто они происходили подле монастырей. Так и здесь на площади под бывшим Новинским монастырем в течение более чем ста лет устраивали гулянья. Поскольку обычно их приурочивали к вербной неделе, они назывались «верба». Это был веселый праздник. К месту «вербных базаров» по всему городу неслись экипажи или сани, в зависимости от погоды. Лошади были украшены разноцветными лентами, бубенчиками, ветками вербы. На площади, отведенной под гулянье, возникали временные палатки, где продавали сладости, игрушки, украшения и т. п. Здесь же устраивали карусели, балаганы, где давали различные представления.

Вот как описывает гулянье 1841 года знаток Москвы П. В. Сытин в книге «Из истории московских улиц»:

«В первый день гулянья на нем открылись только два балагана; в других ...«музыка и постукивать не начинала». Но на третий день все уже было в движении: работали двое «коньков» (каруселей.— *Авт.*), 11 качелей, два «самоката» (карусели с колясками.— *Авт.*), 10 балаганов, «колокол» (большой шатер с флагом или зеленой елкой на вершине, эмблемой кабака, где продавали водку.— *Авт.*) и пр.

Вся площадь была запружена нарядной толпой. Все

качели, балаганы и прочее брались с бою. Народ, толпясь, прогуливался по всей площади, лакомился, угощался, смеялся, кричал; беднота, не имевшая возможности заплатить несколько копеек за вход в балаганы, теснилась перед их балконами, на которых играла музыка и куда выходили паяцы. Толпа от души смеялась всякому их «фарсу» и рада была на досуге толкаться здесь с утра до ночи. В последний день перед закрытием гулянья, с 2 часов дня, все балаганы, качели, «коньки» и «самокаты» предоставлялись публике бесплатно и потому осаждались густыми толпами народа. Тысячи людей, теснясь, входили в балаганы и выходили оттуда «в полном удовольствии», «гуляя даром». Бедняки были довольны зрелищем, на которое их, не в пример с прочими учреждениями того времени, «учтиво пускали» и где для них актеры «даром ломались». Юмора, смешных суждений, анекдотов, комических сцен было тут с избытком.

...С четвертого дня Новинское гулянье посещали представители и высшего общества. Приезжали они сюда в своих экипажах, с 3 до 5 часов ходили под балаганами, а в 5 часов садились в экипажи и катались вокруг гулянья, показывая свои выезды. Экипажи были запряжены большей частью четверкой породистых лошадей с блестящей сбруей и вышитыми подпругами. Иногда появлялись то парижская карета, то легонький открытый дилижанс, окруженный по сторонам английскими жокеями в красных куртках.

...На другом конце гулянья, у нынешней площади Восстания, многочисленную публику занимал предмет, впервые появившийся на Новинском гулянье в 1841 году, за десять лет до постройки в Москве первой железной дороги, — паровоз «Меркурий». Паровоз «выпускал дым из трубы», возил под полковую музыку по рельсам на несколько десятков сажен коляски с публикой. Его машинист то и дело дергал гудок паровоза, покрикивал на публику и пр.».

Сохранилось множество воспоминаний современников об этих гуляньях. Описания их фигурируют в старых путеводителях по Москве. Бывали на них А. Грибоедов, Е. Баратынский, А. Герцен, Ф. Достоевский, М. Глинка. В 1827—1830 годах Пушкин приезжал на Подновинское гулянье, публика его узнавала и шумно приветствовала.

В начале 1870-х годов по инициативе члена городской управы межевого инженера А. Н. Петунникова на месте Подновинского гулянья стали закладывать широкий бульвар; к 1877 году он был закончен, и участок от Проточной переулка до Кудринской площади (ныне площадь Восстания) получил наименование Нобинского бульвара. В связи с начавшимся устройством бульвара гулянье было частично переведено на Красную площадь, где оно продолжалось до 1914 года.

После пожара 1812 года началось быстрое восстановление разрушенных зданий и строительство новых, большей частью каменных домов в один-два этажа. Некоторые дома этого периода сохранились и представляют для нас интерес.

На нынешней площади Восстания (Баррикадная ул., 2) М. Ф. Казаковым был сооружен большой дом с колоннами. Он был предназначен для богадельни вдов и сирот военных и чиновников. В 1795 году дом перешел в казну и был занят до 1811 года сначала Главной аптекой, потом Александровским мещанским институтом (закрытое учебное заведение для детей заурядных дворян, чиновников и мещан). После 1811 года он был целиком отдан под Вдовый дом.

После пожара 1812 года от Вдовьего дома остались одни стены. Восстановление дома было поручено известному архитектору Д. И. Жилярди, который полностью сохранил стены сгоревшего здания. В 1818 году Жилярди составил проект генеральной перестройки дома с надстройкой одного этажа. Перестройка была осуществлена в 1820—1823 годах.

После Октябрьской революции богадельня была ликвидирована, а дом передан Министерству здравоохранения. Здесь располагается Центральный ордена Ленина институт усовершенствования врачей.

Дом, стоящий на углу нынешнего Большого Девятинского переулкa и улицы Чайковского, принадлежал Н. Ф. Грибоедовой — матери писателя. Здесь Грибоедов провел детские и юношеские годы. В 1812 году он отсюда ушел в действующую армию. Этот особняк, построенный в 1805 году, сгорел, и на его месте в 1815—1816 годах матерью писателя был выстроен новый, существующий и поныне, — это отреставрированный в наши дни дом под номером 17. В 1818 и 1823 годах Грибоедов, приезжая в Москву, останавливался в доме матери. Последний раз он был в этом доме в 1828 году перед отъездом в Персию.

Дом 11а на улице Чайковского — особняк, сохранившийся с конца XVIII века. Он принадлежал князю П. Н. Оболенскому, отцу декабриста Е. П. Оболенского. Здесь проходили заседания московской управы Северного общества декабристов. Архитектура этого трехэтажного особняка типична для своего времени.

По пумерации конца XIX века 113-й дом по Новинскому бульвару (ныне дом № 25 по ул. Чайковского) занимала семья Баженовых. Фактически это было целое владение, в которое входили три стоявших рядом небольших особняка, выходящих фасадами на бульвар, и два флигеля, находящихся во дворе. Наибольшую ценность этому владению придавал прекрасный сад, в котором росли яблони, груши, малина и смородина. Его украшали березы, липы, рябины. В саду были две беседки. Маленькая беседка стояла на горке в глубине сада, она была двухэтажная, и с нее открывался замечательный вид на Москву-реку. Такой сад, размером около десятины, почти в центре Москвы, что уже в то время было редкостью, привлек внимание Ф. И. Шаляпина, и в 1904 году он купил это владение. В средний, наиболее крупный из трех, особняк (дом

№ 25) вскоре вселилась вся многочисленная семья Федора Ивановича¹.

В доме постоянно бывало множество гостей — известных актеров, писателей, художников. Чаще других здесь бывали К. Коровин, М. Горький, Л. Андреев, И. Бунин, Н. Телешов, художники братья В. и А. Васнецовы, А. Головин, композитор С. Рахманинов, актеры М. Дальский, И. Москвин, А. Зуева и другие. Здесь репетировал вместе со своим постоянным аккомпаниатором Ф. Ф. Кенеманом Шаляпин.

В годы первой мировой войны Шаляпин отдал под солдатский госпиталь один из флигелей. Он оборудовал его на свои средства так же, как и второй госпиталь в Петергофе, и выступал иногда сам перед выздоравливающими солдатами.

В доме Шаляпина весной 1918 года возникла драматическая студия, поначалу называвшаяся Маленькой студией, а впоследствии Шаляпинской. А все началось с «капустников», в которых принимали участие старшие дочери Шаляпина, А. Зуева (актриса Второй студии МХАТ, впоследствии народная артистка СССР) и другие. «Капустники» имели большой успех, их посещали в основном жители Арбата и близлежащих переулков. Среди постоянных зрителей были А. Серафимович, художник В. Мешков, известный московский юрист Н. Коммодов и другие.

В числе спектаклей студии был «Тургеневский вечер» в постановке артистов МХАТ Л. Кореневой и А. Шахматова, пьеса «Зеленый попугай» А. Шницлера в постановке А. Дикого, в которой принимали участие О. Андровская, Р. Симонов, М. Астангов, О. Абдулов, Н. Горчаков, В. Канцель, К. Половиков, И. Раппопорт и многие другие. В ноябре 1923 года в студии была осуществлена постанов-

¹ Сведения, относящиеся к быту семьи Шаляпиных и его драматической студии, основаны на воспоминаниях режиссера, члена ВТО с 1938 г. Н. Львова — близкого друга Шаляпиных.

ка пьесы А. В. Луначарского «Королевский брадобрей».

А. В. Луначарский — нарком просвещения молодой Советской Республики поддерживал все интересные начинания, в том числе Шаляпинскую студию. Деятельность Шаляпинской студии оставила след в истории советского театра первых революционных лет.

В конце XIX — начале XX века сколько-нибудь значительных перемен в облике Новинского бульвара не произошло. Добавилось лишь несколько пяти-шестиэтажных домов. Во всей Москве и на Новинском бульваре началось строительство доходных домов, т. е. домов с квартирами, предназначенными для сдачи внаем.

Дом № 11 был сооружен в 1911—1913 годах для князя Щербатова. Здание сочетает черты особняка и доходного дома. Дом Щербатова поставлен в начале Новинского бульвара. Его построил архитектор А. И. Таманян, получивший в 1913 году первую премию за это здание на московском городском конкурсе.

Дом Щербатова состоит из трех объемов, напоминающих в плане букву Н. Центральная часть дома пятиэтажная, боковые корпуса трехэтажные. В здании размещалось 28 квартир, по восемь комнат каждая, для сдачи внаем и апартаменты бывшего владельца дома, занимавшие на двух верхних этажах площадь четырех квартир. Они выделены на фасаде центральной части богатым декором. Апартаменты Щербатова образуют парадную анфиладу дворцового типа и украшены барельефами и скульптурой. Торцы боковых корпусов, обращенные к бульвару, также богато «обработаны» пилястрами, карнизами и т. п. Между ними размещен огражденный от улицы решеткой парадный двор, который славился красотой цветников. Сзади дома есть хозяйственный двор.

На Садовой-Кудринской улице примечателен дом № 6, «дом-комод», постройка конца прошлого века. В этом здании в 1886—1890 годах жил А. П. Чехов. Здесь он создал драму «Иванов» — первую из своих пьес, повесть «Степь»

и другие произведения. В 1954 году в «доме-комоде» был открыт музей писателя.

В 1937—1938 годах Новинский бульвар был ликвидирован, на его месте образовалась широкая магистраль — улица Чайковского, ставшая частью современного Садового кольца. Улица была так названа в 1940 году в честь столетия со дня рождения великого русского композитора П. И. Чайковского, который в 1872—1873 годах жил рядом, на Кудринской площади (ныне площадь Восстания), в доме 46. Деревья Новинского бульвара по мере возможности были сохранены и пересажены в глубь окружающих дворов.

Таково градостроительное окружение дома на Новинском бульваре. Построенный в 1928—1930 годах, он составил неожиданный и резкий контраст с существующей здесь архитектурной средой и зримо представил архитектуру новой эпохи.

НОВОЕ ВРЕМЯ — НОВАЯ АРХИТЕКТУРА

Революция требовала немедленной перестройки быта, существенного изменения привычных устоев жизни. Лозунг «Мы наш, мы новый мир построим» олицетворял процесс перестройки общественного сознания.

В это время поисков и небывалого творческого подъема архитекторы мечтали о создании дома нового типа. Каждая из вновь созданных творческих групп и ассоциаций, объединявших по преимуществу архитектурную молодежь, предлагала свои проекты жилища будущего.

Мечты архитекторов о новом типе жилища, о немедленной перестройке быта советского человека, об организации нового семейного уклада были чрезвычайно разнообразны.

Архитекторы, вдохновленные грандиозным масштабом происходивших перемен, питались романтическими, под-

час далекими от реальности представлениями о будущей социально-бытовой организации жизни. Этому способствовали столь же романтические работы художников. Еще в 1919 году художник В. Татлин создал проект памятника III Интернационалу, в основу образного решения которого была положена спиралевидная конструкция, символизирующая движение, прорыв человека в будущее, идею объединения народов всей Земли. Кардинальная перестройка мира, как и новая организация жизни в стране, рисовалась по-разному В. Маяковскому, В. Мейерхольду и другим передовым деятелям искусства.

Окончание гражданской войны, переход к новой экономической политике и начало восстановления народного хозяйства знаменовали собой новый этап в развитии советской архитектуры. От «бумажного проектирования» с его романтизмом и безудержной фантазией архитекторы переходили к реальному проектированию. Тогда все было впервые — строились первые советские фабрики и заводы, первые гидростанции, начинало разворачиваться жилищное строительство.

Возводились в основном жилые дома традиционного, квартирного типа с упрощенным благоустройством, строились и малоэтажные дома типа особняков и коттеджей. Наверное, наиболее яркий пример — застроенный в 1923—1925 годах поселок Сокол в Москве, где проходили экспериментальную проверку различные типы одно-двухэтажных жилых домов, выполненных из разных строительных материалов, на разной планировочной основе.

И экспериментальные проекты, и первые, весьма скромные опыты строительства новых жилых домов — все это приводило к разработке рациональной, реалистической точки зрения на проблему проектирования жилища.

В основе поисков важнейших черт нового социально-бытового устройства лежала идея освобождения женщины от домашнего хозяйства. «Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и

тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, *массовая перестройка* его в крупное социалистическое хозяйство»¹, — писал в 1919 году В. И. Ленин.

На этой основе возникло множество предложений по организации жилых домов в будущем, в том числе дома-коммуны, где мелкому кустарному хозяйству отдельной семьи противопоставлялось хозяйство общественное. Поэтому во всех проектах, предлагавшихся архитекторами, дома-коммуны разделялись на жилую и коммунальную части. Многие из этих проектов и сейчас не потеряли блеска и размаха творческих замыслов. Было, однако, немало и таких, которые отмечены утопическим представлением о будущем обществе, полным непониманием психологии человека, далеко еще не подготовленного к радикальному отказу от многолетних привычек и традиций. Кроме того, они не учитывали и материальных возможностей молодого государства. Эти проекты, пожалуй, наиболее полно характеризуют крайне левые направления в искусстве начала 1920-х годов и всю психологическую атмосферу того времени.

Первый товарищеский конкурс на составление проекта дома-коммуны был организован в 1926 году. В 1927 году состоялась выставка проектов жилища будущего, в том числе домов-коммун, которым был посвящен специальный зал. Здесь были показаны различные варианты жилого дома с обобщенным хозяйством и обслуживанием.

Один из проектов, экспонировавшихся на Первой выставке современной архитектуры в Москве в июне 1927 года, характеризовал наиболее утопические представления архитекторов. Это был проект дома-коммуны архитектора Н. Кузьмина. Идея обобществления быта доведена в нем до абсурда. Все жизненные процессы, начиная от рожде-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 24.

ния ребенка и кончая смертью человека, регламентированы в проекте до мельчайших подробностей.

Все без исключения возрастные группы живут в отдельных помещениях: беременные женщины изолируются, старики и старухи живут отдельно, взрослые холостые отдельно, женатые отдельно, дети, разделенные по возрастам, также живут в отдельных помещениях.

В этом проекте нет даже спальных ячеек для отдельных жителей. Коммунары спят группами по шесть человек (отдельно мужчины и женщины), и лишь из уважения к процессу воспроизводства в специальном корпусе отведены помещения для пар («прежних мужа и жены», говоря словами автора).

Жизнь нормирована Кузьминым до минуты так: 1) ложатся в 22 часа; 2) сон 8 часов, встают в 6 часов; 3) гимнастика — 5 минут; 4) умывание — 10 минут; 5) душ — 5 минут; 6) одевание — 5 минут; 7) путь в столовую — 3 минуты и т. д. «...Рабочий встал по зову радио из радиопункта, регулирующего жизнь коммун, откинул складную кровать, прошел к своему шкафу, надел халат и туфли и вышел в гимнастическую комнату», — описывал автор.

Этот проект в 1927 году вызвал весьма противоречивые мнения — от полного одобрения до резко отрицательной оценки, особенно у архитекторов старшего поколения, предлагавших ориентироваться на вековой опыт строительства квартирных домов.

Большинство проектов, как наиболее «левые», так и умеренные, предлагая общественное обслуживание, сводили до минимума индивидуальную жизнь семьи или отдельного человека. Фактически в этих домах отрицалась необходимость изолирования семьи, а квартира рассматривалась как некое спальное помещение, которое можно превратить в место дневного пребывания. Все это говорит о недостаточной проработке вопросов об организации социально-бытового устройства в доме будущего.

К проектам домов-коммун возвращались и позже. Так, например, в 1930 году архитекторы М. О. Барщ и В. Н. Владимиров разработали проект, в котором для семьи как цельного организма, не отведено места и в то же время сильно развито общественное хозяйство и обслуживание. В их проекте дом-коммуна состоит из трех отдельных корпусов: корпуса для взрослых, корпуса для детей школьного возраста и корпуса для детей дошкольного возраста. Сами корпуса разделены на индивидуальные спальные кабины и на помещения для общего отдыха, досуга и занятий — это столовая, библиотека-читальня для взрослых, помещения для игр, для учебы и т. д. В этом проекте возможности частной жизни индивидуума ограничены площадью спальной шестиметровой ячейки, вся остальная часть дома отведена для общественных помещений. Таким образом, и этот проект недооценивал значение личности в социалистическом коллективе и трактовал бытовой уклад дома-коммуны как своеобразное «натуральное хозяйство» — все обслуживание дома вплоть до всевозможных починочных и прочих мастерских сосредоточено в его пределах.

В 1930 году своеобразную трактовку коллективизации жизни предложил архитектор И. С. Николаев в здании студенческого общежития в Москве на Донской улице. Индивидуальным оставался только сон, для него были предназначены специальные двухъярусные спальные кабины, снабженные лишь искусственной вентиляцией.

Проблема сна очень занимала архитекторов того времени. Выдающийся зодчий 1920-х годов К. С. Мельников в пояснительной записке к своему проекту Зеленого города писал: «Рационализация должна коснуться в данном случае именно тех традиций и понятий, которые наитеснейшим образом связаны с отдыхом во всех его видах и проявлениях». Главным видом отдыха, основой его базой Мельников считал сон.

В 1929 году был объявлен конкурс на проект Зеленого

города. Он был посвящен проблемам организации жизни в социалистическом городе. В нем приняли участие архитекторы К. С. Мельников, М. Я. Гинзбург, Н. А. Ладовский, Д. Ф. Фридман.

К. С. Мельников рассматривал Зеленый город как место отдыха, а следовательно, и как место всеобщего сна. «Архитектура этого моего проекта,— писал он,— проблема рационализации сна, проблема рационализации одной трети человеческой жизни»¹. Таким образом родился на свет сонно-концертный корпус, названный «СОНная СОНата». В этом корпусе люди спят все вместе в громадных залах с акустическими отражателями, а музыка, исполняемая специальными оркестрами в соответствии с советами врачей, сопровождает обобществленный сон. Для всех остальных потребностей отдыхающих отводился общественный центр Зеленого города.

Однако не все идеи того времени были так оторваны от жизни, как в приведенных примерах. Тогда же, в конце 1920-х годов, московские архитекторы М. О. Барщ и М. И. Синявский, используя инженерные достижения того времени, завершили строительство первого в СССР Московского планетария, проектирование которого началось в 1927 году. Это показало, сколь велики возможности молодого государства.

Планетарий находится в начале Садовой-Кудринской улицы в относительной близости от строившегося уже тогда дома на Новинском бульваре. Его строгие, лаконичные формы перекликались с обликом этого здания. Круглый в плане зрительный зал планетария определил форму его объема. Жесткие условия, поставленные требованиями технологии, подсказали форму железобетонного купола, диаметр которого равен 28 м. Толщина купола внизу составляет 12 см, вверх — 8 см. Внутри к нему подвешен

¹ Мастера советской архитектуры об архитектуре: Сборник. М., 1975, с. 167.

экран-полусфера. Покрытый сталью купол планетария был в то время самым большим в стране. Сочетание его огромной, вздымающейся ввысь блестящей металлической поверхности, на которой играют блики солнца, с простыми приземистыми формами светлого оштукатуренного круглого объема производит неотразимое впечатление на зрителя. Уже при подходе к зданию возникает ощущение особого подъема, предшествующее тому восторженному чувству, которое охватывает зрителей при виде красоты звездного неба, демонстрируемого в планетарии.

В это же время советские архитекторы разработали новый вид общественного здания — рабочий клуб. Большой вклад внесли в строительство клубов архитекторы К. С. Мельников, братья Веснины и другие. Строились в то время и производственные здания. Их архитектурные формы перекликались с новыми формами жилых домов, созданных молодými архитекторами.

Что же касается жилища, то ясность в проблеме перестройки быта внесло постановление ЦК ВКП(б), которое так и называлось — «О работе по перестройке быта». Постановление было опубликовано в газете «Правда» 29 мая 1930 года. Оно расставило все по местам, осудив крайние позиции типа предложения Кузьмина и нацелив как руководящие органы, так и архитекторов на более реалистическое отношение к организации бытовой стороны жизни.

Сейчас, когда мы рассматриваем проекты жилища, предлагаемые в 1920—1930-х годах, многое в них кажется наивным и порой даже смешным. У поколения, вырвавшегося из коммунальных квартир в индивидуальные, еще слишком свежи в памяти все неудобства коммунального быта. И потому само слово «обобществленный» у многих вызывает неприязнь. Однако не надо забывать, как много дали эти работы советской архитектуре, какое множество заложенных в них идей было реализовано в прошлом и осваивается сейчас и какой бесценный вклад предстоит им внести в архитектуру завтра.

В дальнейшем, когда у государства появились большие материальные и технические средства и стали строить новые города, перед архитекторами встала небывалая задача удовлетворить материальные и культурные запросы многомиллионных масс. Это заставило реалистически подойти к вопросам расселения, обусловило серьезные теоретические исследования и привело к новым формам организации жилищ.

Но в те годы, в конце 1920-х годов, направленность советской архитектуры существенно отличалась от ее развития в последующее время. Конечно, не следует представлять себе, что эта направленность была господствующей. Напротив, осуществленные проекты домов-коммун оставались единичными.

На практике же строились обычные дома, создававшиеся на основе давно разработанной для кирпичных домов технологии, с привычной планировкой квартир, при которой и не ставились вопросы перестройки быта и жизни семьи. Да и строительство это в то время было весьма ограниченным.

Между приверженцами привычных форм жизни и группой сравнительно молодых архитекторов-новаторов шли ожесточенные споры, велась непримиримая борьба. Однако в этой борьбе рождались новые идеи, чему также способствовало стремительное развитие строительной техники. В те годы борьба между отдельными группировками архитекторов носила в целом чисто теоретический характер. Среди архитекторов-новаторов, стремившихся создать такое жилище, которое соответствовало бы новым социальным-бытовым возможностям организации повседневной жизни человека, был М. Я. Гинзбург.

М. Я. ГИНЗБУРГ И ПРОБЛЕМА ЖИЛОГО ДОМА В 1920-е ГОДЫ

Значительное место в теоретических исследованиях и практической работе М. Я. Гинзбурга занимает проблема жилого дома. Поиски нового типа жилого дома продолжались на протяжении всей его научной и практической деятельности. Возглавляя большие коллективы архитекторов, разделявших его взгляды на будущее советской архитектуры, Гинзбург выполнил целый ряд важных работ в области изучения и проектирования массового жилища.

Моисей Яковлевич Гинзбург родился в 1892 году в семье архитектора. Отец-архитектор способствовал развитию в сыне любви к рисованию и живописи, со школьного возраста привлекал его к участию в своих работах. Архитектурное образование Гинзбург получил в Италии. В 1914 году он окончил архитектурный факультет Академии художеств в Милане, где получил академическое образование. Вернувшись на родину, он поступил в политехнический институт в Москве и получил инженерное образование — свой второй диплом — инженера-архитектора.

Новые социальные идеи, рожденные революцией, захватили молодого архитектора. Вместе со всей передовой интеллигенцией он ощущал большой творческий подъем, стремился к кардинальным переменам в области архитектуры и принципов проектирования.

В 1922 году М. Я. Гинзбург стал профессором Московского института гражданских инженеров по кафедре истории архитектуры, а затем в 1923 году и профессором Вхутемаса (Высшие художественно-технические мастерские), где читал курс архитектурной композиции. Это было учебное заведение, где формировались в то время наиболее передовые взгляды в области нового искусства и архитектуры. Тогда уже возникла его близкая дружба с братьями А. А. и В. А. Весниными, выдающимися архитекторами первой половины XX века, признанными лиде-

Дом на Новинском бульваре. Боковой фасад

Ул. Чайковского, 17, бывший дом А. С. Грибоедова

Баррикадная ул., 2, бывший Вдовый дом

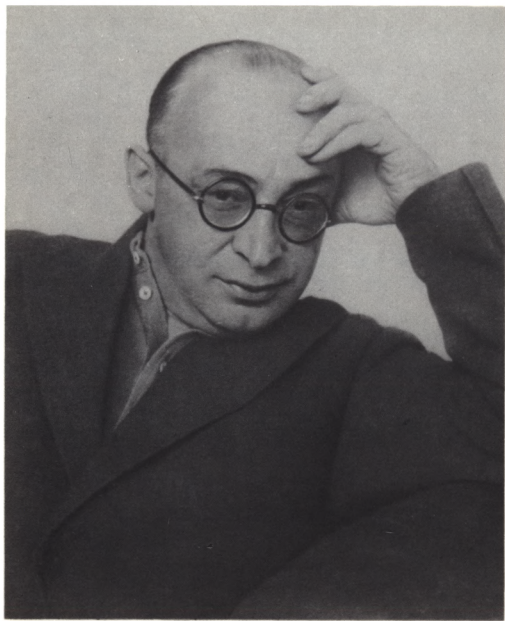

Ул. Чайковского, 11, бывший дом Щербатова

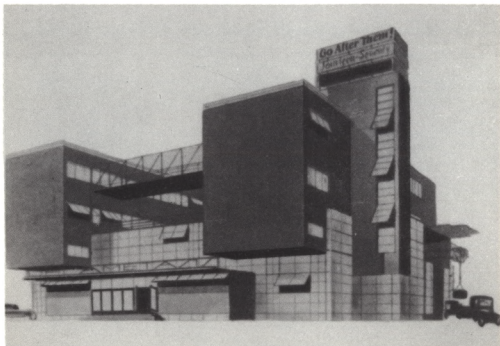
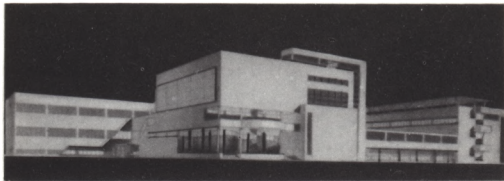
Ул. Чайковского, 25, бывший дом Шаляпина

Мемориальная доска и бюст Ф. И. Шаляпина
(ул. Чайковского, 25)

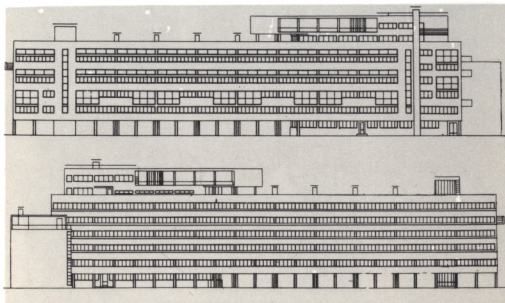
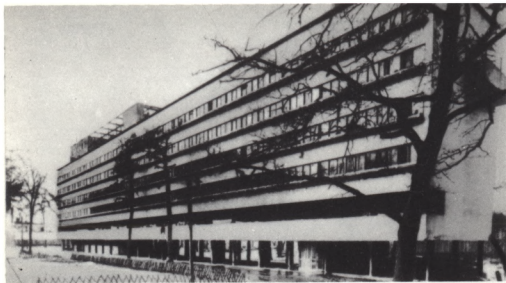

Портрет архитектора М. Я. Гинзбурга

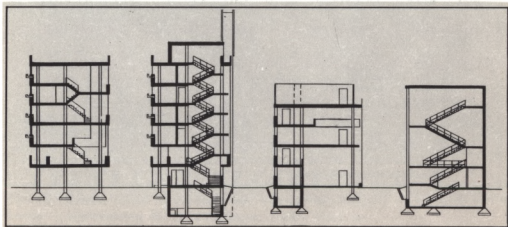
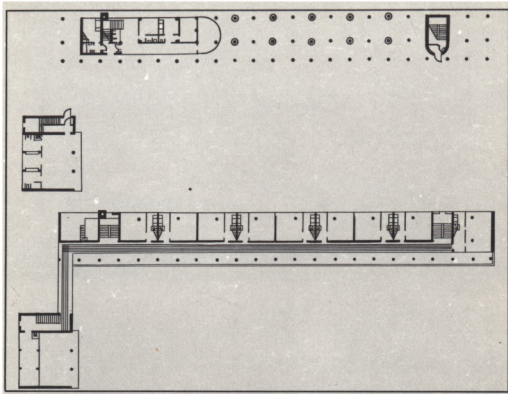
Проект здания Дома правительства, осуществленный в г. Алма-Ате.
Автор — архитектор М. Я. Гинзбург. 1929—1931 гг.

Конкурсный проект здания Оргаметалл. Автор — архитектор
М. Я. Гинзбург. 1926—1927 гг.

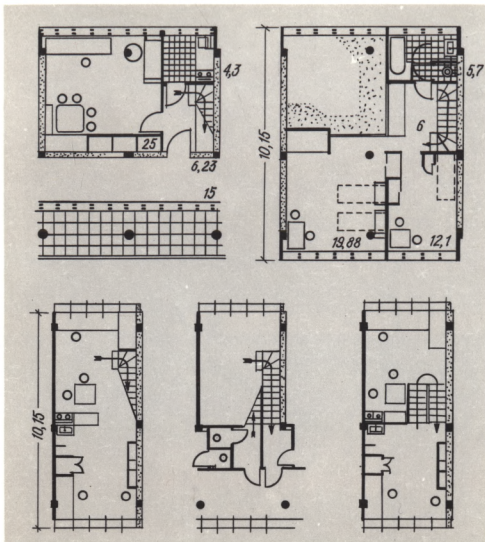

Дом на Новинском бульваре. Восточная стена

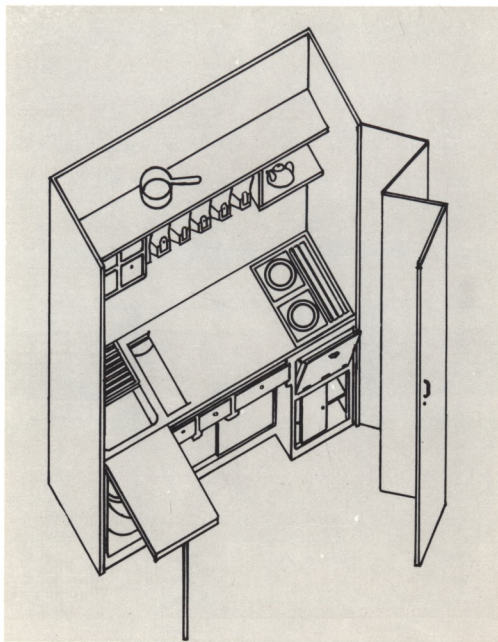
Проект фасадов дома на Новинском бульваре

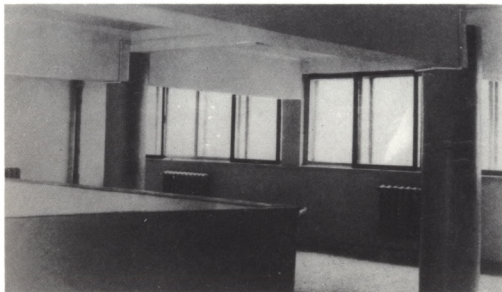
Планы 1-го и 2-го этажей дома
Разрезы жилого (слева) и коммунального (справа) корпусов

Планы типовых ячеек дома

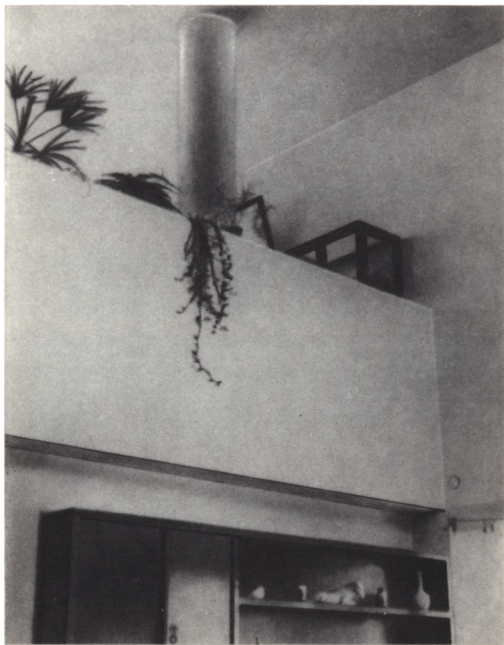

Проект «кухонного элемента» в малометражных квартирах

Внутренний вид верхнего коридора

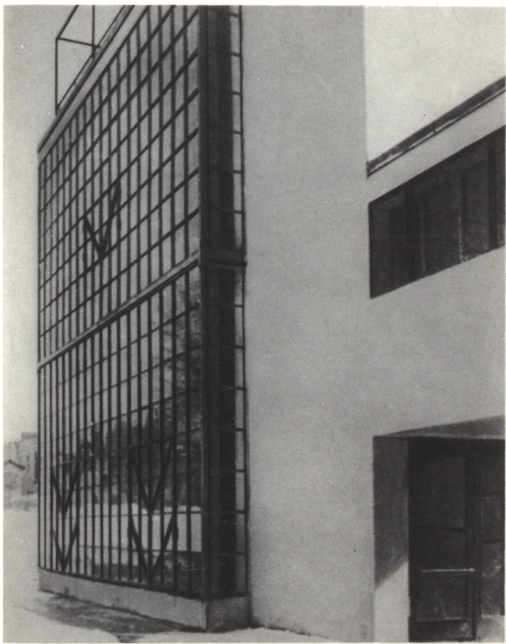
Фрагмент коридора

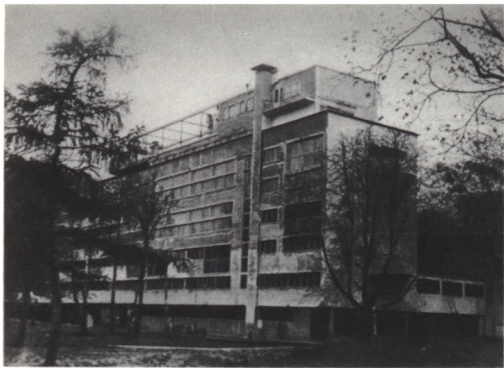
Интерьер квартиры

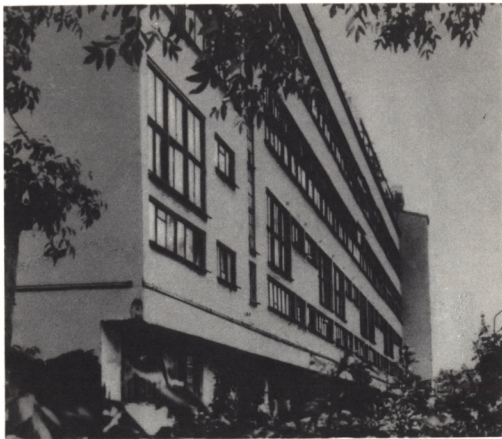
Мастерская архитектора М. Я. Гинабурга

Фрагмент фасада коммунального корпуса

Западная сторона дома

Западная сторона дома. Современный вид

рами молодой советской архитектуры. Вместе с Веснины-ми Гинзбург стал во главе широко распространенного в то время творческого направления, получившего название конструктивизма. В конце 1925 года была создана творческая организация конструктивистов, названная Объединением современных архитекторов — сокращенно ОСА. Эта организация оказывала значительное влияние на развитие теоретической мысли, в том числе и потому, что она получила возможность издавать свой журнал «Современная архитектура». Журнал выходил регулярно шесть раз в году в течение пяти лет — с 1926 по 1930 год. В нем публиковались работы молодых архитекторов, студентов Вхутемаса, Московского высшего технического училища и др. На страницах журнала можно увидеть первые проекты, созданные будущими выдающимися советскими архитекторами, многие из которых уже тогда выделялись своими предложениями. Ответственными редакторами журнала были А. А. Веснин и М. Я. Гинзбург.

Молодой, деятельный, всегда веселый и приветливый, М. Я. Гинзбург был окружен учениками и единомышленниками. Соединив в себе талант ученого, теоретика и архитектора-практика, он умел связать научную работу с проблемами современности. В то же время он был блестящим организатором и обладал способностью руководить работой большого коллектива. Многогранность дарования обеспечила ему видное место в советской архитектуре. В первой четверти 1920-х годов вышли в свет два его капитальных труда — «Ритм в архитектуре» (1923) и «Стиль и эпоха» (1924), оказавшие значительное влияние на развитие теоретической мысли. Новатор по духу, Гинзбург был мастером новой архитектурной формы. Вдохновленный социальным переворотом в стране, он искал рациональные типы сооружений, отвечавшие требованиям советского общества, активно использовал в строительстве достижения научно-технического прогресса, применял новейшие строительные материалы и стандартные элементы,

находил новые приемы архитектурной композиции, добивался яркой художественной выразительности.

Среди многочисленных проектов и построек Гинзбурга выделяются здание Дома правительства в Алма-Ате (1929—1931), где он применял широко пропагандируемый им функциональный метод творчества, и ансамбль санатория имени С. Орджоникидзе в Кисловодске (1935—1937), отличающийся богатством пространственной композиции, красотой отдельных зданий и внутренней отделки.

Гинзбург не остался равнодушным к принципиально новым предложениям архитекторов первой четверти XX века. В 1926 году он представил на товарищеский конкурс свой проект дома-коммуны, где предложил до какой-то степени отказаться от индивидуальной организации бытового устройства семьи и перейти к общественному обслуживанию. В 1929 году он принимал участие в проектировании Зеленого города, где внес новые предложения по организации городской жизни его обитателей.

В проекте М. Я. Гинзбурга, сделанном в соавторстве с М. О. Барщем, Зеленый город представлен как один из пригородных районов Москвы, рассчитанный на 100 тысяч жителей. Предполагалось, что жители этого района будут работать на промышленных предприятиях, созданных на базе местных ресурсов, и в сельском хозяйстве. В Зеленом городе жилой дом представлялся Гинзбургу в виде набора жилых ячеек, сблокированных в длинные ленты, двухсторонней освещенностью и окруженный зеленью. Окна в этих жилищах занимают всю ширину наружных стен от пола до потолка. Солнце пронизывает жилье. Окна при желании складываются «гармошкой», и жилая ячейка превращается в террасу, окруженную зеленью. Гинзбург считал, что максимальное приближение к природе при нормальном физическом воспитании необходимо людям не только летом, но и зимой. Термосторы дают возможность регулировать степень нагревания и охлаждения остеклен-

ных стен. Окно, таким образом, не статично, оно уменьшается или увеличивается в зависимости от потребности человека в свете и солнце.

В отличие от утопических идей, высказанных в проектах домов-коммун, созданных другими архитекторами, здесь, в Зеленом городе, мы видим вполне осуществимые предложения по организации рациональной и здоровой жизни человека.

Но для воплощения их были необходимы высокоразвитая техника и совершенные методы строительства и оборудования жилища, недостижимые в 1920 — начале 1930-х годов, и потому вся идея оказалась в то время нереальной.

Проект Гинзбурга давал возможность жителям Зеленого города самим выбирать соседей по дому и создавать свободные группировки. Наряду с предоставлением живущим свободного выбора для добровольных объединений в доме авторы считали, что индивидуальное хозяйство в этих домах может быть полностью исключено. Жилые ячейки были снабжены только запасными подогревателями пищи. Считалось, что все хозяйственные, производственные и прочие процессы коллектива могут быть обобществлены, включая питание, воспитание детей, учебу, стирку и починку белья, все виды снабжения и т. д. И в этом проекте архитекторы продолжали оставаться на той позиции, согласно которой обобществление быта, так же как и обобществление всех производственных процессов, имеет несомненные преимущества перед индивидуальным хозяйством. Эти проекты, оторванные от конкретных условий и жизненных потребностей человека, были нереальны.

В доме на Новинском бульваре были частично реализованы идеи Гинзбурга в области принципов построения жилища нового типа. Проект этого дома явился результатом его многолетних исследований в области жилищного строительства. В нем был предложен переход на новые формы социально-бытового устройства, возможные уже в

конце 1920 — начале 1930-х годов. Этот дом так и был назван — опытный дом переходного типа.

Большое значение имело также то, что авторы уделили большое внимание вопросам разработки технологии, основанной на возможности использования в строительстве новейших материалов и методов их применения.

Постройке дома предшествовала большая научно-исследовательская работа и в сфере поисков наиболее экономичной планировки квартиры. Этим также занималась группа архитекторов, руководимая Гинзбургом.

Одна из основных задач, стоявших перед архитекторами, заключалась в разработке таких квартир, которые бы дали возможность при максимальном уменьшении капитальных затрат на строительство обеспечить трудящихся хорошим и удобным жилищем.

Предлагая новые приемы планировки квартиры, авторы обращали особое внимание на рациональное распределение площади, на увеличение жилой площади и сокращение вспомогательной, нежилой. В предлагаемых ими квартирах были сведены к минимуму переходы и коридоры, которые стали служить лишь путями связи. Тщательно изучалась возможность уменьшения их размеров и количества. Так, отказ от устройства второй лестницы значительно сэкономил расходы на строительство даже в том случае, когда за основу проекта брался план обычного квартирному дома дореволюционной постройки.

Большое место в работе архитекторов занимали поиски рационального решения интерьера квартиры. Они стремились к ее хорошему оформлению и хотели внести в квартиру современные элементы оборудования и благоустройства.

В результате длительных исследований архитекторы пришли к выводу, что в условиях строжайшей экономии малометражная квартира наилучшим образом может обеспечить потребности массового строительства. Малометражная квартира, считали они, смогла бы удовлетворять и

требованиям экономичности, и пожеланиям масс. Такая квартира могла быть заселена только одной семьей.

Тем не менее для того чтобы достичь максимального удешевления квартиры с небольшой площадью, потребовалось заменить кухню кухонной нишей, которая при площади 1,4 кв. м все же позволяла с достаточными удобствами заниматься домашним хозяйством. Так называемый «кухонный элемент» предполагалось замаскировать раздвижной шторой. Во время работы штора, отделяющая «кухонный элемент» от остальной комнаты, может быть поднята, и вся прилегающая часть комнаты становится кухней. По окончании работы штора задвигается, скрывая все необходимое кухонное оборудование, в том числе мусоропровод и вытяжную вентиляцию. Ванная комната была заменена душевой кабиной.

При разработке малометражной квартиры архитектором руководила идея создать дом-комплекс, который отвечал бы будущему социально-бытовому укладу жизни. Такой дом получил название «коммунальный». В отличие от дома-коммуны, где предполагалось полное обобществление быта, в «коммунальном» доме проектировались изолированные квартиры, или, как они назывались тогда, ячейки для семьи, которые могли бы органически сочетаться с общественными помещениями. Для связи изолированных ячеек с общественными помещениями авторы считали необходимым отказаться от лестничных клеток, вокруг которых обычно группируются квартиры, и заменить их горизонтальными связями-коридорами, соединяющими жилые ячейки друг с другом, а главное, с общественным центром. При полной изолированности квартир широкий коридор, освещенный прямым светом, должен служить не только связующей артерией, но и частично местом общественного пребывания. Летом, предполагали авторы, окна коридора можно будет раздвигать и таким образом превращать коридор в террасу, зимой же в коридоре возле каждой квартиры находится светлая ниша со столом и скамьей, где

можно читать и отдыхать. Этот же светлый коридор ведет в общественные помещения: столовую, кухню, читальню, детскую комнату и т. п.

«Коммунальный» дом с изолированными квартирами и с имеющимся общественным обслуживанием получил название дома переходного типа. Называя его так, создатели имели в виду, что его обитатели оценят удобства общественного обслуживания и постепенно перейдут к новому бытовому укладу.

В эти годы было сделано несколько проектов «коммунальных» домов, квартирных и типа общежития. В конце 1920 — начале 1930-х годов было построено шесть экспериментальных «коммунальных» домов переходного типа, причем три из них были разработаны при непосредственном участии М. Я. Гинзбурга как автора проекта.

ДОМ НА НОВИНСКОМ БУЛЬВАРЕ

Опытный дом переходного типа был сооружен по заказу наркома финансов РСФСР для сотрудников Наркомфина. Обязанности наркома исполнял в те годы (1924—1929) Н. А. Милютин — один из видных теоретиков советского градостроительства и архитектуры конца 1920 — первой половины 1930-х годов. Это был человек удивительной судьбы. Мечтая стать архитектором-художником, Милютин еще в 1908 году учился на архитектурном факультете в Петербурге, а затем, в 1910 году, в художественном училище, но в бурные предреволюционные годы и в первые годы после революции всецело посвятил себя общественной деятельности. В 1917 году он командовал отрядами Красной Армии, а в дальнейшем занимал руководящие должности в различных наркоматах страны. Завершить архитектурное образование он смог лишь в 1940 году, однако в течение всех предшествующих лет никогда не по-

рывал с архитектурой и, как мог, поддерживал многие начинания советских зодчих.

С работами М. Я. Гинзбурга Н. А. Милютин был хорошо знаком. В своей книге «Соцгород», изданной в 1930 году, он писал: «Для ответа на ряд вопросов... нам пришлось тщательно проанализировать идеи передовых архитекторов-конструктивистов (в частности, работы Корбюзье, Гропиуса, Гинзбурга, Леонидова и др.)». Милютин во многом разделял взгляды Гинзбурга на необходимость создания новых форм социалистического жилища. Идеи, заложенные в проекте дома на Новинском бульваре, были ему близки по духу, и строительство дома шло при его постоянной поддержке. Он и занимал в дальнейшем одну из квартир этого дома.

Проект и постройка были осуществлены архитекторами М. Я. Гинзбургом, И. Ф. Милинисом и инженером С. Л. Прохоровым в 1928—1930 годах. Дом состоит из двух корпусов: жилого, с индивидуальными квартирами, и корпуса, в котором было сосредоточено все общественное обслуживание. Оба здания связаны между собой крытым переходом.

Жилой корпус — это шестизэтажное здание длиной 85 м и высотой 17 м. Ориентация его — восток — запад. В торцах этого здания расположены лестничные клетки — всего две на всю длину. По второму и пятому этажам здания лестницы связаны широкими, около 4 м, коридорами, освещенными с восточной стороны горизонтальными лентами окон. В квартиры жильцы попадают из этих коридоров.

Корпус общественного обслуживания, названный авторами «коммунальным», представляет собой замкнутый четырехэтажный, почти кубический объем со стороной куба около 10 м. Он поставлен под углом к жилому и связан с ним переходом.

Весь комплекс находится в центре обширной зеленой зоны. Для того чтобы сохранить связь между ее частями, первый этаж жилого корпуса между лестничными клет-

ками заменен круглыми столбами высотой 2,5 м. Таким образом под домом образовалось открытое пространство, защищенное от дождя и солнца. Это новое для того времени решение было вызвано также соображением не создавать худших условий для обитателей первого этажа.

Дом был задуман как «коммунальный» на 50 семей — около 200 человек, в своем проекте авторы поставили задачу создания только социально-бытовых условий переходного типа. По проекту дом должен был состоять из четырех корпусов: жилого, соединенного с ним теплым переходом общественно-коммунального, отдельно стоящего детского сада и самостоятельного служебного двора, где размещались механическая прачечная, сушилка, гараж и др. Все это было задумано для того, чтобы способствовать быстрейшему и безболезненному переходу к более высоким формам обобществления хозяйства, о котором по-прежнему продолжали мечтать авторы. А пока в этом доме можно было по желанию питаться в общественной столовой и были созданы условия для товарищеского общения обитателей.

Большое внимание уделили архитекторы внешнему облику дома, в котором хотели отразить новое социальное устройство. Они стремились к тому, чтобы каждый, кто входит в этот дом или видит его издали, чувствовал, что дом необычный и, будучи пока первым, может служить прообразом для домов будущего.

Для этого надо было найти в архитектуре дома четкое выражение для двух совершенно отличных по внутреннему содержанию частей: собственно жилой и коммунальной. Жилой корпус — лента жилых ячеек — получил естественное архитектурное выражение в виде длинного однообразного объема с ритмически повторяющимися элементами. Коммунальный корпус бытового обслуживания в противоположность жилому решен как замкнутый архитектурный объем. Он имеет две глухие стены, восточную и западную, и сплошное остекление северной стороны, обра-

щенной к главному фасаду жилого корпуса. Крытый переход находится во втором этаже. Это светлый коридор, освещенный с двух сторон лентами горизонтальных окон. Он соединяет оба здания.

Надо отдельно остановиться на архитектурном решении южного торцового фасада жилого корпуса. В противовес почти сплошному свободному остеклению западного фасада и строгим горизонтальным членениям восточного здесь мы видим глухую стену торца. На этой стене сделаны полукруглые балконы с глухим ограждением. Они размещены один над другим на уровне второго, четвертого и шестого этажей и обслуживают торцовые квартиры. Контрастируя с архитектурным обликом западного и восточного фасадов, южный органично сочетается с коммунальным корпусом.

Подлинным новаторством для конца 1920-х годов была архитектура жилого корпуса. Она была настолько необычна и впечатляюща, что лишь немногие смогли увидеть в ней образ жилого дома будущего, черты которого он, безусловно, содержал.

Весь шестизэтажный объем разбит по горизонтали на две части. Нижние три этажа отведены под квартиры большой площади, в которых должны были проживать семьи, сохранившие более полно свой старый бытовой уклад. Предполагалось, что они будут медленнее отходить от индивидуального домашнего хозяйства, поэтому здесь имеется маленькая кухня, позволяющая при желании индивидуально готовить пищу. Верхние три этажа занимают малометражные квартиры на одного или двух человек. Все квартиры двухэтажные. Располагая попеременно на одной половине квартиры жилые помещения, а на другой — вспомогательные, архитекторы получили возможность по своему усмотрению регулировать высоту тех и других. За счет уменьшения вспомогательных помещений удалось увеличить высоту жилых комнат, достигнуть удешевления строительства, хотя в отдельных случаях появились лиш-

ние стойки, прогоны и т. п. Сама система расположения квартиры в двух этажах с входами из одного коридора подсказала такую внутреннюю планировку, которая позволила осуществить задуманный эксперимент.

В доме три типа квартир. Вдоль нижнего коридора расположены восемь квартир для больших семей, они занимают второй и третий этажи дома. Вдоль верхнего коридора четвертый и шестой этажи занимают малометражные квартиры. В торцах дома по обе стороны лестничных клеток расположены квартиры из сдвоенных малометражных квартир. Малометражная квартира, представляя собой единое пространственное целое, разделена на две части — жилую и спальную. Это, по существу, однокомнатная или, вернее, полутораконмнатная квартира, рассчитанная на двух человек, общей площадью около 30 кв. м.

Каждая квартира по высоте также состоит из двух частей. Одна часть ее имеет высоту 3,6 м, другая — 2,3 м. Последняя представляющая собой как бы спальную нишу, освещена прямым светом: имеется небольшая душевая кабина с умывальником. В каждой квартире есть отдельная передняя и туалет.

В малометражных квартирах нет кухонь. Жилая комната лишь оборудована небольшим «кухонным элементом», позволяющим индивидуальное приготовление пищи. Если в первые годы после заселения обитатели этих квартир широко пользовались общественным питанием, то в дальнейшем им пришлось ограничиться небольшой кухонной нишей, что, естественно, было неудобно. Кроме «кухонного элемента», расположенного непосредственно в квартире, в конце коридора находится запасная кухня, в которой возможно индивидуальное приготовление пищи для каждой семьи.

Благодаря особой организации пространства, эта сравнительно небольшая квартира, связанная с коридором, обладает сквозным проветриванием и двухсторонней освещенностью. Ориентация квартиры на две стороны — вос-

ток и запад — обеспечивает солнце в спальной части утром, а в жилой части — во вторую половину дня. В результате оригинального приема планировки помещения выглядят следующим образом: с одной стороны — высокая жилая часть комнаты, с другой — пониженный потолок спальной ниши. В верхнем этаже пол спальной ниши поднят на шесть ступеней: разница высот между двумя спальными нишами и позволяет организовать светлый коридор, идущий вдоль всего дома. По нему жильцы попадают в свои квартиры, спускаясь или поднимаясь по внутренней лестнице. Следует сказать, что квартиры, в которые надо спускаться из коридора вниз по лестнице, отличаются от квартир, вход в которые ведет из коридора по лестнице вверх. В то время как нижние квартиры, имеющие общий уровень пола в спальной и жилой частях, более удобны и рациональны по использованию площади, верхние, с приподнятым полом спальной части, пространственно просторнее и богаче.

В конце 1920-х годов, когда в городах преобладали старые коммунальные квартиры, заселенные различными по своему составу и характеру семьями, а квартиры в немногочисленных новостройках чаще всего устраивались как в дореволюционных доходных домах, такие малометражные квартиры были счастливым исключением.

К сожалению, они не всегда заселялись, как было задумано, одинокими людьми или небольшими семьями из двух человек. Часто бывало, что в них жили семьи с детьми либо семьи, состоящие из трех-четырех человек, и тогда, естественно, такие квартиры не оправдывали своего назначения. В массе же своей они были удобны, красивы и доставляли большую радость их владельцам.

Квартиры нижних этажей трехкомнатные. Жилая площадь в них примерно 57—60 кв. м. Как и малометражные, они двухъярусные. В нижнем ярусе насквозь, через весь корпус, проходит горизонтальный коридор, в котором находятся входы в квартиры. В нижнем ярусе каждой кварти-

ры размещены передняя, кухня и общая жилая комната двойной высоты. Из передней вход в общую, высотой 5 м, комнату, площадь которой равна 25 кв. м. Из передней же внутренняя лестница ведет во второй ярус. Здесь две спальни со встроенными шкафами, ванная и туалет. Спальни отделены узкой площадкой, открывающейся в общую жилую комнату. Высота помещения второго яруса 2,3 м.

В обоих концах жилого корпуса, по обе стороны лестницы со входом непосредственно с лестничной клетки, размещены квартиры, занимающие площадь, равную двум сдвоенным малометражным квартирам. В этих квартирах две жилые комнаты высотой 3 м. Передняя, ванная, туалет, кухня и столовая имеют высоту 2,3 м. По существу, это обычные квартиры с несколько непривычным распределением высот, а потому и с более интересным пространственным решением. Среди жильцов этот тип квартиры пользовался наибольшим спросом.

И наконец, в самой верхней части дома, на уровне плоской крыши, сделано несколько комнат типа общежития. Часть из них — на одного человека, часть — на двух. Между каждой парой комнат расположены душевая и умывальная комнаты.

Следует вспомнить, что во всем предшествующем строительстве жилых домов высота комнат была как правило, не менее 3,2 м. Поэтому предложенная авторами высота вспомогательных помещений квартир, уменьшенная до 2,3 м, вызвала недовольство многих специалистов. Авторы оправдывали это решение, обосновывая уменьшение высоты до 2,3 м следующим образом: при наличии двух объемов с разной высотой значение отдельных размеров сильно меняется, поэтому, когда более низкий объем входит непосредственно в более высокий, высота 2,3 м оказывается вполне достаточной. Чем больше открыт меньший объем, тем меньше может быть его высота. Когда человек находится в меньшем объеме и смотрит в сторону большего,

его не беспокоит высота находящегося над ним потолка, так что при минимальных размерах меньшего объема, но при помощи площадки, балкона и т. п., связывающих помещение с большим объемом, его высота может быть снижена до 2,3 м. Однако не все жильцы смогли принять такую высоту, и если часть обитателей дома были довольны интерьерами, то другие жаловались на неудобства этого экспериментального жилища.

Теперь, когда высота жилых комнат в большинстве новых домов принята 2,5—2,7 м и это стало привычным, отношение к низким потолкам в массе изменилось. Значительное в современных домах остекление наружных стен, связывающее внутреннее пространство с внешним миром, лоджии и балконы, как бы продолжающие интерьер квартиры вовне, действительно психологически компенсируют до какой-то степени недостаток высоты помещения.

Помимо разности высот, влияющей на психологию восприятия пространства, авторы придавали большое значение характеру освещенности объемов. Один и тот же внутренний объем при различной системе освещенности воспринимается по-разному. Световой вырез в стене в какой-то степени разрушает границу объема — стену. Так как при том уровне развития техники, который был в конце 1920-х годов, сделать сплошную остекленную стену, о чем мечтали авторы, было невозможным как в техническом, так и в экономическом отношениях, то они прибегли к устройству горизонтального окна во всю ширину стены. Притом авторы пришли к выводу, что наиболее выгодной для зрительного восприятия будет горизонтальная световая лента, подтянутая ближе к потолку. Так и были освещены помещения, высота которых 2,3 м. Возможность устройства таких окон была достигнута благодаря принятой авторами конструктивной системе. Несущий каркас с сеткой круглых в плане столбов диаметром 35 см связан в продольном и поперечном направлениях железобетонны-

ми прогонами. Наружные стены, трактованные как термо-изоляционные щиты, отнесены на консолях от столбов каркаса, а столбы оказываются внутри здания.

Следует, однако, сказать, что эксперимент с устройством раздвижных горизонтальных окон не достиг цели и вызвал нарекания жильцов. Окна были двух типов: подвижные и неподвижные. Неподвижные с железобетонными рамами, подвижные — с дубовыми, скользящими на роликах по направляющему рельсу и прижимающимися к бетону при помощи специально сконструированного устройства. Места прижима в окне с деревянной рамой обиты снаружи брезентом, с внутренней стороны — брезентом и войлоком. Такое утепление было вызвано суровостью климатических условий. Эта конструкция требовала точного монтажа и умелого, внимательного использования, так как при несоблюдении параллельности направляющих рельсов и брусков рамы заклиниваются и их скольжение затрудняется. Несмотря на достоинства этих окон — они не требовали форточек; их не надо было заклеивать на зиму, можно было по желанию открывать на большее или меньшее расстояние, — их конструкция не всегда оправдывала себя и неумелое использование зачастую вызывало дополнительные трудности. К тому же сказывалась привычка к небольшим вертикальным окнам, традиционным для жилых домов.

В этом доме, где все выглядело для того времени необычным, где всесторонне продуманы и неоднократно проверены все детали архитектурно-пространственной композиции внутренних объемов, был проведен еще один важный эксперимент — в отделке квартир. Авторы полностью отказались от оклейки стен обоями и применили сложную и тщательно продуманную окраску всех внутренних помещений. Многочисленные исследования, проводимые Гинзбургом, доказали, что при решении пространственных проблем громадную роль играет цвет отдельных поверхностей, ограничивающих пространство. Поэтому

большое значение придавалось не только окраске стен, но и потолка жилого помещения.

Окраска интерьеров производилась под руководством художника. В эксперименте были проверены две гаммы сдержанных по интенсивности цветов — теплая и холодная. При применении теплой гаммы потолок преимущественно окрашивали светлой охрой, стены делали светло-желтыми (лимонными). При применении холодной гаммы потолок красили в основном голубым, стены — сероватым или зеленовато-серым. Результаты эксперимента показали, что теплая гамма пространственно ограничивает объем; холодная же, наоборот, как бы расширяет помещение. Близкое существование теплой и холодной гамм, так же как и наличие двух смежных объемов, контрастирующих по высоте, обогащает ощущение пространства. Поэтому в смежных комнатах рядом с холодной гаммой были введены теплые розовые и желтые тона и, наоборот, по соседству с теплой гаммой — холодноватые: голубые и серые. Выбор цвета и покраска производились осторожно, не слишком интенсивно, чтобы не раздражать зрение человека в комнатах длительного пребывания. Более яркая расцветка, как показал длительный опыт, допустима, скорее всего, на потолке, потому что плоскость потолка попадает в поле зрения человека лишь отдельными прерывистыми фрагментами. Поэтому, как правило, во всех квартирах более яркий цветовой тон применялся только в окраске потолков.

К числу опытов с цветом, произведенных в доме, можно отнести также цветовую обработку поверхностей интерьера в чисто функциональных целях — для более легкой ориентации в окружающей обстановке. Такова, например, покраска каждой пары смежных дверей в коридоре в черный и белый цвета для отличия входов в верхние и нижние квартиры. Такова различная окраска потолков, лестничных площадок и коридоров, позволяющая еще издали ориентироваться в общем комплексе аналогичных и мало отличных друг от друга предметов.

Коридор между четвертым и шестым этажами, освещенный непрерывной лентой окон, светлый и радостный, служит не только связующим звеном между квартирами, но и местом встреч и общения живущих. Коридор второго этажа служит той же цели, а также соединяет помещения жилого дома с коммунальным корпусом. Здесь же имеется идущая параллельно коридору крытая терраса, обслуживающая жильцов этих квартир. Тем же целям служит плоская двухъярусная крыша с солярием и цветником.

К сожалению, попытка создать условия для тесного общения жильцов и тем способствовать возникновению коллективных интересов, связав их со стремлением к социально-бытовому переустройству жизни, оказалась несостоятельной. Террасы-лоджии функционировали лишь в первые годы после заселения дома, когда контингент живущих был в какой-то мере однородным. После окончания Великой Отечественной войны он существенно изменился. Новые обитатели квартир второго и третьего этажей использовали принадлежавшие им террасы открытой галереи не по назначению, что не только нарушило первоначальный замысел авторов, но и исказило внешний облик дома.

Великолепным украшением дома, особенно в летнее время, была плоская двухъярусная крыша с солярием и цветником. В начале 1930-х годов, когда еще вокруг не было большого числа многоэтажных зданий, с крыши открывался отличный вид на Москву. Дом расположен среди высоких густых деревьев, и терраса с солярием и цветником была хорошим местом отдыха для жителей. Она служила также местом общения. В последующие годы терраса на крыше была заброшена, цветники на ней погибли, и прекрасная идея потеряла свой смысл. В 1930-е годы терраса на крыше была излюбленным местом отдыха не только жильцов верхнего этажа, но и М. Я. Гинзбурга и его друзей. В вечерние часы здесь собирались многие извест-

ные архитекторы, которые до поздней ночи вели жаркие споры о судьбах архитектуры будущего.

Коммунальный корпус, как и жилой, разделен по высоте на две части. Каждая из них включает отдельный объем пятиметровой высоты и двухъярусные обслуживающие помещения. С северной стороны коммунального корпуса, обращенной к жилому, размещено по два двухэтажных зала с двухсторонним освещением. По замыслу авторов один из них был предназначен для спортивного комплекса, другой — для общественной столовой. С северной стороны оба зала объединены сплошной остекленной стеной-экраном. Эту стену предполагалось сделать целиком съемной или сдвигающейся. Однако в процессе работы от этого пришлось отказаться вследствие недостаточного развития строительной техники.

В южной части здания находятся необходимые подсобные помещения пониженной высоты. Они размещаются в двух этажах поэтажно по отношению к залам. Лестничная клетка частично открывается в каждый из объемов и объединяет все его пространственные членения. В результате при движении по лестничной клетке к отдельным помещениям зритель получает непрерывно меняющиеся пространственные ощущения. В сущности небольшой и простой по форме наружный объем благодаря внутреннему членению кажется большим, сложным и воспринимаемым только в процессе длительного движения.

Назначение коммунального корпуса — обслуживание жильцов дома общественными помещениями. Здесь было предложено хотя не обязательно, но возможное для желающих общественное питание. Отличный зал общественной столовой, объединивший третий и четвертый этажи здания, мог вместить всех желающих и привлекал яркой освещенностью и обширным пространством. С другой стороны зала находилась кухня и другие обслуживающие подсобные помещения. На крыше здания предполагалось устроить летнюю столовую. Нижние два этажа отводились

под спортивный зал, подсобные помещения спортивного центра, библиотеку, комнаты отдыха и т. п.

Однако сразу же после окончания строительства коммунального корпуса пришлось изменить назначение его помещений: ввиду того что не удалось построить детский сад, пришлось для него приспособить ряд комнат; это с самого начала исказило идею, заложенную в организацию быта опытного дома. Несмотря на то что кухня в первые годы после сдачи дома работала с полной загрузкой и обслуживала подавляющее большинство живущих в доме, столовая как самостоятельное помещение не функционировала. Как правило, жильцы брали обеды к себе на квартиру.

Но и в таком виде коммунальный корпус существовал недолго. Через некоторое время общественное питание перестало удовлетворять основную массу жильцов, и кухня стала нерентабельной. Вслед за этим изменилось и назначение двухсветных залов. Они были приспособлены вначале под типографию, а в дальнейшем — под конструкторское бюро.

Таким образом, эксперимент с организацией новых форм ведения социально-бытового хозяйства для начала 1930-х годов был преждевременным и оказался несостоятельным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы затронули вопросы, касающиеся крайне левых направлений в архитектуре первых послереволюционных лет для того, чтобы показать среду, в которой формировались творческие замыслы советских архитекторов. Архитекторы вынуждены были отказаться от абстрактных предложений и погрузиться в поиски ответа на практические потребности данного времени. Так постепенно вырабатывались реальные проекты, осуществляемые в натуре.

Дом на бывшем Новинском бульваре явился результатом длительных исследований возможной реорганизации существующей структуры жилища и размышлений архитекторов о создании нового социально-бытового уклада. Можно сказать, что сооружение этого дома завершило целую эпоху в архитектуре тех лет.

Далеко не все, что было задумано М. Я. Гинзбургом, удалось осуществить. Немаловажную роль в этом сыграл начавшийся в 1930-х годах поворот к традиционным формам возрождения исторических стилей. Простые, лаконичные объемы дома на бывшем Новинском бульваре стали казаться невыразительными и часто подвергались критике. С другой стороны, разработанный авторами социально-бытовой уклад жизни, заложенный в основу структуры дома, оказался неосуществимым в условиях жизни тех лет, к тому же жильцы дома в большей части были психологически не подготовлены к таким переменам. Как бы там ни было, но авторам полностью не удалось претворить в жизнь задуманное. Не был построен жилой корпус второй очереди, не был построен комплекс служебного двора, объ-

единявший механическую прачечную, гараж, котельную и пр. Сооружена была лишь прачечная, широко использовавшаяся жильцами.

Однако этот дом, даже при наличии множества переделок (застроен весь первый этаж между колоннами, пристроено служебное помещение к южному фасаду, надстроены коммунальный корпус и к нему с восточной стороны приставлены металлические гаражи и т. п.), остается памятником архитектуры конца 1920-х годов.

Прошли десятилетия, и идея необходимости перестройки социально-бытовых условий жизни возникла вновь. При грандиозных масштабах строительства второй половины XX века ставится задача организации наиболее рационального общественного обслуживания в пределах целых жилых образований.

Попытка создать дом нового быта была сделана в Москве в 1969 году (архитекторы Н. Остерман, А. Петрушкова, И. Канаева, Г. Константиновский и другие). Дом-комплекс рассчитан на 2200—2300 человек. Он состоит из двух 16-этажных жилых корпусов, соединенных между собой двухэтажным зданием, где находится блок обслуживания. В жилых корпусах принята коридорная система. Вдоль коридоров с обеих сторон расположены индивидуальные квартиры, которые, однако, не имеют кухонь. Вместо них в общих комнатах или в передней размещен кухонный агрегат (плита, мойка). В верхних этажах предусмотрен ряд общественных помещений: гостиные, кухня с заготовочными и т. д. В первом этаже — детский клуб. Блок обслуживания рассчитан на всех жильцов дома и вмещает кафе-столовую на 300 мест, зал универсального назначения, детский сад-ясли.

Однако и это предложение новой формы организации жилого комплекса не имело успеха. После долгих дискуссий здание было передано МГУ и используется как общежитие аспирантов и стажеров.

Также не удалось организовать новый быт в микрорай-

оне «Лебедь», построенном в Москве на Ленинградском шоссе в 1972—1974 годах (архитекторы А. Меерсон, Е. Подольская, А. Репетий, И. Федоров). Четыре 16-этажных дома-башни подняты над объединяющим их одноэтажным стилобатом, где предполагалось разместить учреждения обслуживания. Но и здесь замысел авторов не доведен до конца: помещения блока обслуживания используются не по назначению, весь нижний этаж отдан административным и хозяйственным организациям.

Видимо, с одной стороны, сказывается устойчивая неприязнь к любым формам коллективного хозяйствования в быту, рожденная коммунальными квартирами, через которые прошло несколько поколений советских людей. С другой стороны, возникли чисто организационные трудности, связанные с необходимостью содержать определенный персонал для поддержания чистоты, порядка и т. д.

Тем не менее выдвинутая в 1920-х годах идея создания комплексного жилища, где индивидуальные квартиры сочетаются с помещениями общественного обслуживания, продолжает занимать мысли архитекторов и в 1980-е годы. Новый проект дома-комплекса был предложен в 1977 году для строительства в Кишиневе (архитекторы А. Белоконов, Ю. Погарский, С. Лебедев, инженеры А. Лурье, М. Галкин). Проект получил медаль на смотре лучших проектов в 1983 году. Этот дом-комплекс включает несколько зданий высотой 9 и 25 этажей. В их первых этажах во встроенных и встроенно-пристроенных помещениях размещаются учреждения общественного обслуживания: магазин и кафе, детские сады и ясли, кинотеатр и др. Вся система общественного обслуживания задумана так, что пользоваться ею можно, не выходя на улицу.

Изменившиеся требования к организации городской среды заставляют мыслить несоизмеримо большими величинами, чем раньше. Научно-технический прогресс и коренным образом перестроившаяся технология строительства позволили создавать сооружения, о которых прежде

архитекторы не могли даже мечтать. И все же дом на Новинском бульваре, как и ряд осуществленных в то время других коммунальных домов, остается важной вехой на пути развития советской архитектуры. В ближайшем будущем реставрация вернет ему первоначальный облик, и он сохранится как памятник одному из самых смелых экспериментов в истории московских домов первой пятилетки.

«Во всех этапах нашей работы,— писал в книге «Жилище» М. Я. Гинзбург,— мы старались ставить ее архитектурно в том понимании этого слова, которое кажется нам наиболее правильным, т. е. во взаимодействии социальных, технических и художественных проблем».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	5
СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО	9
НОВОЕ ВРЕМЯ — НОВАЯ АРХИТЕКТУРА . .	16
М. Я. ГИНЗБУРГ И ПРОБЛЕМА ЖИЛОГО ДОМА В 1920-е ГОДЫ	24
ДОМ НА НОВИНСКОМ БУЛЬВАРЕ	30
<i>Заключение</i>	43

Елена Константиновна Иванова
Ранса Александровна Кацнельсон
УЛИЦА ЧАЙКОВСКОГО, 25

Заведующий редакцией Ю. Александров

Редактор К. Стародуб

Художественный редактор И. Сайко

Художник А. Маркевич

Технический редактор Н. Привезенцева

Корректоры Ю. Черникова, З. Кулемина

ИБ № 2872

Сдано в набор 22.11.85. Подписано к печати 21.02.86. Л55028. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 3,67. Уч.-изд. л. 2,53. Тираж 70 000 экз. Заказ 1291. Цена 15 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8. Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

